

Переход собственных имен в нарицательные как объект лексикографии: концепции специализированного словарного описания

Р. И. Воронцов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
roman.vorontsov.86@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка критически проанализировать существующие в российской лексикографии концепции специализированного словарного описания процессов перехода собственных имен в нарицательные (деонимизации). Представлены словари, опубликованные с середины XX века по настоящее время. Особое внимание уделено рассмотрению словарных концепций с позиций современной лексикографической теории, прежде всего, в свете идей лингвокультурологии, фигуративной и авторской лексикографии. Намечены основные векторы развития жанра словаря деонимизации.

Ключевые слова: русский язык, имя собственное и нарицательное, деонимизация, словарь, лингвокультурология, фигуративная лексикография, авторская лексикография.

Proper-to-common name conversion as an object of lexicography: concepts of specialized lexicographic description

R. I. Vorontsov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); roman.vorontsov.86@gmail.com

Abstract. The article is an attempt to critically analyse the existing concepts of describing proper-to-common name conversion processes (deonymisation) within

the scope of the Russian lexicography. The key factor of lexicographic interpretation of deonymisation products is the nature of the relationship between the original proper name and its derivative which can be either actual or etymological. In the former case, the derivation process results in figurative nominations (e. g., *Емеля* ‘Yemelya’, *Митрофанушка* ‘Mitrofanushka’, *Отелло* ‘Othello’) based either on a metaphoric model or on the extension of a “disembodied” name reference. The latter case involves formation of neutral words of eponymic origin (e. g., *ампер* ‘ampere’, *галлифе* ‘breeches’ (from proper name *Gallifet*), *хулиган* ‘hooligan’), often based on metonymy. Hence, modern lexicography demonstrates two opposite trends: scientific, specialized lexicography focuses on proper name derivatives with unobliterated figurative motivation, while popular-science dictionaries mainly describe neutral derivatives that have already lost their actual ties with the original proper names.

The article proposes a review of deonymisation dictionaries published as of the mid-20th century. They demonstrate quite a few achievements to the credit of Russian lexicography including identification of the conceptual fields with particularly active deonymisation processes, elaboration of a specific dictionary entry architecture, a comprehensive description of the Russian corpus of connotative proper names, etc. Regular publication of new deonymisation dictionaries, each invariably based on a specific and refined theoretical footing, clearly proves the importance of the research. The article pays special attention to a review of dictionary concepts with an eye to the modern lexicographic theory, largely in terms of cultural linguistics, figurative and author lexicography. Some weaknesses of the existing deonymisation dictionaries are pointed out to help lexicographers focus on finding new remedies for the problems.

Keywords: Russian language, proper and common names, deonymisation, dictionary, cultural linguistics, figurative lexicography, author lexicography.

1. Введение

Взаимодействие разрядов собственных и нарицательных имен в том или ином аспекте привлекало внимание словарников на всем протяжении истории отечественной лексикографии. Самым архаическим типом средневекового глоссария был ономастикон,

в котором объяснялись имена библейских персонажей и названия мест, в том числе с символическими значениями. Символические имена впоследствии описываются и в азбуковниках XVI–XVII веков, и в лексикографических произведениях Юго-Западной Руси: так, значительную часть «Лексикона...» Памвы Беринды (1627) составляет «имен толкование» — описание значимых собственных имен иноязычного происхождения (см. [Сороколетов (ред.) 2001]). В XVIII веке продолжается описание символической ономастики, при этом особое место занимает «Словарь пиитико-исторических примечаний» Аполлоса Байбакова (1781), кодифицирующий употребление античных мифологических имен в духе барочной эмблематической традиции. В конце XVIII века создается «Словарь Академии Российской», который закладывает фундамент всей дальнейшей толковой академической лексикографии и декларирует принцип, остающийся актуальным по сей день: в толковый словарь не входят имена собственные, за исключением тех, которые развили нарицательные значения. Наконец, важной вехой на пути словарной разработки переходных процессов между онимами и апеллятивами становится труд М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1903–1905), где, помимо прочего, описываются иносказательные употребления исторических и мифологических имен, подтверждаемые цитатами из современной автору литературы. Словарь Михельсона стал прообразом будущих фразеологических словарей и словарей крылатых слов и выражений, также описывающих ономастическую лексику (см. [Хуснутдинов 2004]).

Динамику словарного отражения перехода собственных имен в нарицательные в толковых словарях и словарях крылатых слов и выражений можно проследить на материале метафорических процессов (см. подробно в работе [Воронцов 2015]). Будучи ориентированными на «нарицательность» онима, толковые словари русского языка фиксируют только те единицы, которые составляют ядро русской языковой ономастической метафоры: около 100 лексем в больших толковых словарях ([БАС-1; БАС-3]) и не более 30 в средних и малых ([Ушаков; МАС; Ожегов, Шведова],

промежуточная позиция представлена в [БТС]). Сюда относятся такие устоявшиеся наименования, как, например, *альфонс*, *геркулес*, *держиморда*, *донжуан*, *ирод*, *иуда*, *каин*, *левиафан*, *ловелас*, *меченат*, *митрофанушка*, *молох*, *одиссея*, *олимп*, *содом (и гоморра)*, *утопия*, *цербер*, *эдем*, *эскулап* и др. Несмотря на достаточно полное отражение корпуса языковой ономастической метафоры, толковые словари по целой совокупности причин не могут учесть все метафорические отонимные дериваты. Отчасти эта задача решается в словарях крылатых слов и выражений, которые демонстрируют резкое увеличение корпуса описываемых метафор: до 150 единиц в [Ашукин, Ашукина 1986] и до 200 в [Берков и др. 2005]. В данных словарях описываются не только системно-языковые ономастические метафоры, но и узуальные речевые проявления переходного процесса, например: *Барон Мюнхгаузен*, *Вергилий*, *дед Мазай*, *Джеймс Бонд*, *Король Лир*, *Монтекки и Капулетти*, *Остан Бендер*, *Подпоручик Кижэ*, *Робин Гуд*, *Смердяков*, *Швондер*, *Элочка-людоедка* и др. Тем не менее и такой широкий подход, заданный традицией словаря М. И. Михельсона, не позволяет дать исчерпывающее, а главное — созвучное лингвистической природе семантического процесса описание данного феномена. Попыткой предложить такое описание, в том числе, объясняется появление узконаправленных специальных словарей, фиксирующих процессы перехода онимов в апеллятивы.

Так, несмотря на длительную лексикографическую традицию, **специализированное** словарное описание отонимных дериватов начинается только во второй половине XX века. Это можно объяснить, во-первых, развитием ономастики и теоретической лексикографии, которое позволило создавать аспектные словари на базе строгих научных концепций, а во-вторых, накоплением в узусе достаточно большого материала: от библейских и античных символических имен до наименований технических приспособлений по именам изобретателей. Сегодня лексико-семантическое пространство, лежащее на границе проприальной и апеллятивной лексики, остается актуальным языковым ресурсом и заставляет исследователей искать новые лексикографические подходы. Именно этим продиктована цель

данной статьи — обобщить историю специализированного словарного описания процессов перехода онимов в апеллятивы с позиций современной лексикографической теории и наметить перспективы развития соответствующего словарного жанра. Прежде всего нас будут интересовать проекции, накладываемые на предмет нашего внимания такими направлениями, как **лингвокультурологическая, фигуративная и авторская лексикография**.

При этом важно помнить, что, помимо научных словарей, посвященных взаимодействию онимов и апеллятивов, в отечественной лексикографии существует также традиция научно-популярного описания этого феномена. Задачей научно-популярного словаря, ориентированного на широкий круг читателей, становится не столько лингвистическое описание семантического процесса, сколько раскрытие «тайны», стоящей за словом, знакомым каждому, но не осознаваемым как бывшее имя собственное. И специальные, и научно-популярные словари перехода собственных имен в нарицательные издаются с достаточной регулярностью, что не оставляет сомнений в актуальности этой проблематики как для ученых-гуманитариев, так и для всех, кто интересуется русским языком и культурой.

2. Процесс деонимизации и специфика его словарного описания

Переходный процесс от собственного имени к нарицательному обозначается парой синонимичных терминов: **деонимизация** и **апеллятивация**, — толкуемых как «переход онима в апеллятив без аффиксации» [Подольская 1978: 54]. Мы оперируем термином деонимизация, так как апеллятивация, на наш взгляд, предполагает большее (в идеале — полное) уподобление онима апеллятиву, что встречается достаточно редко. Кроме того, в рамках различных исследовательских концепций используются более частные понятия: коннотативный оним [Отин 1997], прецедентное имя [Гудков 1999], интертекстема [Сидоренко 1999], полуантропоним [Блох,

Семенова 2001], логоэпистема [Бурвикова, Костомаров 2006], также подразумевающие обретение именем собственным признаков нарицательного.

Для описания разновидностей процесса деонимизации методологически важно учитывать теорию «воплощенного» (embodied) и «невоплощенного» (disembodied) имени, предложенную А. Гардинером [Gardiner 1954] (см. также [Кронгауз 1987]). Если «воплощенное» имя присвоено конкретному объекту действительности (ср.: *Я увидел Ивана*), то «невоплощенное» имя относится ко всем его потенциальным носителям (ср.: *Иван — распространенное имя*). Именно поэтому процесс семантической деривации (деонимизации) у этих классов имен идет по разным моделям: «воплощенное» имя развивает созначения по моделям метафоры и метонимии (ср.: *Отелло* — ‘ревнивец’ и *ампер* — ‘единица силы тока’), а «невоплощенное» имя приобретает расширительную оценочную коннотацию, как бы приписывающую некоторое свойство всем его носителям (ср.: *русский Ваня, хитрый Митрий, Вася Пупкин* (‘зурядный человек’)).

Не менее важно и то, что для разных моделей деонимизации, как правило, характерна разная степень расподобления имени собственного: метонимические дериваты легко отрываются от исходного онима и употребляются в речи вне связи с ним, а ономастические метафоры и «невоплощенные» имена в расширительном значении всегда (за редчайшими исключениями, такими, как, например, *олух, хам, хулиган*) сохраняют свою ономастическую мотивацию. Отсюда следует и тот факт, что метонимические отонимные дериваты, как правило, имеют четкую семантическую структуру и стилистически нейтральны, а слова, образованные по другим моделям, становятся средством выражения оценки и могут использоваться с различными смысловыми и экспрессивными оттенками, часто окказиональными. Это различие выявляется даже по словарным данным (без привлечения текстового материала). Ср., с одной стороны, такие метонимии, как, скажем, *галифе* — ‘брюки особого покроя, облегающие голени и сильно расширяющиеся кверху (заправляемые в сапоги) (по имени французского кавалерийского

генерала Г. Галифе (1830–1909))’ [БТС] и *дизель* — ‘двигатель внутреннего сгорания с воспламенением от сжатия (по имени немецкого инженера Р. Дизеля (1858–1913))’ [БТС], а с другой стороны — образные единицы: *Наполеон* — ‘о реакционном диктаторе // о человеке с чрезвычайно властолюбивыми замыслами’ [БАС-1]; ‘о человеке, считающем себя исключительной личностью и отличающемся крайним индивидуализмом’ [БТС]; ‘о том, кто стремится к неограниченной власти, добивается возможности повелевать кем-, чем-л.’ [БАС-3] (видны различные интерпретации имени в разных словарях); *Емеля* — ‘1. Сказочный герой, иронический удачник Емеля-дурак. 2. Врун, хвастун, пустомеля, лентяй. 3. Хитрец, притворяющийся дурачком’ [Кондратьева 1983] (видно множество оценок, которые можно дать человеку, называя его Емелей).

Еще одним важнейшим свойством процесса деонимизации является его культурная обусловленность. Имя собственное при употреблении в речи всегда вовлекает в дискурс целый комплекс внеязыковых представлений говорящего и слушающего; тем более это характерно для культурно значимых имен, склонных к «нарицательному» употреблению. Эта внеязыковая мотивирующая основа деонимизации в большинстве случаев осознается коммуникантами (если речь не идет о простейших метонимических переносах), а значит, составляет неотъемлемую часть смысловой структуры отонимного деривата и, наравне с его производным лексическим значением, подлечит словарному описанию.

Таким образом, ключевым фактором, определяющим специфику лексикографического описания деонимизации, является характер связи между исходным онимом и дериватом: она может быть актуальной или этимологической. Мотивирующий деонимизацию компонент значения так или иначе должен быть эксплицирован в словаре, что в свою очередь требует включения в словарную статью энциклопедической информации о первоначальном носителе имени. Порядок описания может быть различным. В следующем разделе рассмотрим принципы построения словарной статьи в словарях деонимизации.

3. К истории специализированного словарного описания деонимизации

3.1. Научные словари деонимизации

Приступая к рассмотрению специализированных словарей деонимизации, следует сделать важную оговорку: мы не ставим здесь задачу исчерпывающего обзора изданий, так или иначе отражающих данный семантический процесс. Наше внимание сконцентрировано на словарях, которые, на наш взгляд, представляют ключевые вехи в развитии данного словарного жанра. Каждый из анализируемых словарей вносит значимую новацию, открывает перед читателем и исследователем новые перспективы изучения феномена деонимизации, а иногда и знаменует собой переход на новый уровень лексикографического мастерства.

Так, во второй половине XX века вышли в свет книги Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова «От собственных имен к нарицательным» [Мгеладзе, Колесников 1970] и Т. Н. Кондратьевой «Метаморфозы собственного имени: опыт словаря» [Кондратьева 1983]. Авторы этих книг, будучи пионерами в области словарного описания деонимизации, внесли большой вклад в теоретическое изучение данного семантического процесса, обозначив понятийные области, в которых он проявляется наиболее активно, наметив динамические особенности перехода и разработав соответствующую архитектуру словарных статей. В то же время оригинальность авторских лексикографических концепций вступала в противоречие с вторичностью этих изданий по отношению к толковым словарям и словарям других типов (энциклопедическим, словарям иностранных слов, крылатых выражений и т. д.): первые словари деонимизации, по сути, оказались компиляциями материалов, извлеченных из разнообразных словарей-источников. Это позволило авторам, с одной стороны, собрать в своих книгах большой объем верифицированных данных, с другой же — не способствовало реализации строгих принципов описания и отбора материала.

В основе концепции словаря Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова лежит понятие антропонома — нарицательного имени, произошедшего от антропонима. При этом способ деривации не имеет принципиального значения. К числу антропономов авторы словаря относят и семантические дериваты (*ампер, дизель, макинтош, маугли, отелло*), и словообразовательные (*толстовка, тимуровец, подкузьмить*). Для авторов не важен и характер мотивированности антропономов: является ли она живой или лежит в области этимологии. Поэтому в словарь включено, с одной стороны, слово *Гамлет*, не воспринимаемое вне связи с именем шекспировского героя, а с другой стороны, слово *хороший*, которое, по одной из версий, восходит к имени древнеславянского бога солнца Хорса. Стремление к всеохватности в отборе материала позволяет увидеть взаимодействие разрядов собственных и нарицательных имен во всей его полноте, но в то же время становится помехой на пути подлинно научного описания этого взаимодействия: фиксация языковых фактов не сопровождается аналитическим подходом к объекту.

Словарь опирается на идеографический принцип: все рассматриваемые слова распределяются по лексико-семантическим объединениям. Каждое из них соответствует особой понятийной области, в рамках которой взаимодействие онимов и апеллятивов проявляется наиболее заметно.

Из 41 объединения, представленного в словаре, наиболее обширным оказывается первое: «Названия людей по роду их деятельности, научным, философским, политическим и религиозным взглядам, по специальности или профессии, по принадлежности к какой-либо группе, партии; национальности, народности; по физическим и моральным данным и т. д.». Это объединение подразделяется на 14 более частных групп, организованных по семантическому принципу и содержащих типичные образцы ономастической метафоры. Ср. *Гулливер* — ‘человек, кажущийся среди ничтожеств великаном, а среди великанов лилипутом’. — По имени героя сатирического романа английского писателя Джонатана Свифта (1667–1745) «Путешествия Гулливера»; *Калибан* — ‘грубый человек’. В пьесе В. Шекспира «Буря» (1612) это дикарь-невольник, уродливый, грубый, лишенный

человечности пьяница, чудовище в образе человека. В таком значении имя его стало нарицательным; *Фауст* — ‘пытливый искатель истины, борец за свободу и могущество человеческого духа’. — По имени доктора Фауста, героя средневековых легенд, чернокнижника и астролога, продавшего свою душу дьяволу.

Остальные 40 лексико-семантических объединений, представленных в словаре, иллюстрируют, помимо словообразовательной деривации, главным образом, метонимические переходы онима в апеллатив. Среди зон активности этого перехода отметим: 1) названия музыкальных инструментов (*амати, гуарнери, спинет, страдивариус*); 2) названия машин, приборов, аппаратов и проч. (*брегет, верньер, дизель, жакар, кардан, кингстон, нониус, нортрон, ремингтон, рентген, реомюр, цейс, шредер*); 3) названия единиц измерения (*ампер, ангстрем, ватт, вебер, вольт, герц, гильберт, кулон, кюри, ламберт, максвелл, ньютон, ом, рентген, стокс, тесла, эрстед*); 4) названия средств передвижения (*монгольфьер, тильбюри, цепелин*); 5) названия огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов (*винчестер, маузер, монтекристо, шрапнель*); 6) названия кушаний и сладостей (*бешамель, монпансье, наполеон, сэндвич*); 7) названия одежды и головных уборов (*альмавива, галифе, макинтош, пальмерстон, панталоны, реглан, спенсер, тальма, фигаро, френч*); 8) названия тканей (*батист, гобелен, ришелье*); 9) названия мебели и ее стилей (*буль, жакоб, помпадур*); 10) названия изделий из фарфора (*веджвуд, селадон*).

Таким образом, первый словарь, описывающий переход собственных имен в нарицательные, представляет собой большой свод разнородной информации и задает вектор как собственно научному описанию процессов деонимизации, которое в дальнейшем пойдет по пути выработки более строгой концепции, соответствующей природе описываемого процесса, так и научно-популярному представлению взаимодействия онимов и апеллативов, нацеленному на расширение кругозора читателя и раскрытие «тайны» происхождения слова.

Следующим этапом научного лексикографического описания деонимизации стала публикация словаря Т. Н. Кондратьевой «Метаморфозы собственного имени», хотя, безусловно, следует признать,

что материалы книги иллюстрируют более широкий круг явлений, характерных для взаимодействия онимов и апеллятивов. Отмечая преемственность словаря по отношению к книге Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова, его автор заявляет о принципиальном отличии: теперь «исследование ведется в среднем звене “перехода” или “переноса” имени» [Кондратьева 1983: 5]. Новый словарь не только фиксирует факт деонимизации, но и стремится выявить ее континуальную специфику, установить семантические закономерности и историко-культурные предпосылки. Объектом описания становится «путь метаморфоз от собственных к нарицательным и от нарицательных к собственным» [Кондратьева 1983: 5].

В новом словаре описывается более 1000 имен. Специфика словника состоит в его ориентации на слова ограниченного употребления. В словарь включены «окказиональные имена, архаические имена, диалектизмы, арготизмы, профессионализмы, образованные от слов-имен» [Кондратьева 1983: 6]. Разумеется, в книге небольшого объема невозможно исчерпывающе представить такой корпус имен собственных (особенно это относится к потенциально бесконечному числу окказионализмов), однако автору удается глубоко проникнуть в семантическую и культурную специфику процесса деонимизации и наглядно показать ее читателю. Так, например, в статье, посвященной имени *Перун*, представлен целый ряд метонимических и метафорических значений, многие из которых имеют выраженный историко-культурный компонент, характеризуются как символы того или иного предмета или явления и сопровождаются пометами *устар.*, *поэтич.* и *книжн.* Характерно также, что некоторые значения в ряде случаев подтверждаются не только отсылками к словарям, но и цитатным материалом. Ср.:

ПЕРУН, а, м. 1. Главное божество восточных славян, бог грома, молнии и покровитель воинов. 2. Скульптурное изображение этого бога в виде воина, держащего в левой руке колчан со стрелами, а в правой — лук. 3. Дуб, дубрава, возвышенное место, холм, где было место богослужения. Сохранилось название: Перуново (Новгород. обл.), Перуново Ржевск. р-на и др. 4. Устар.

гром и молния: «Кругом... перуны блещут!» (*Ломоносов*). 5. Болезнь, недуг: «Схвати тебя перуном!» (*Соляр.*). 6. Устар. поэтич. а) Стрела, молния, низвергаемые богом грома и войны. б) Символическое обозначение грома и молнии, войны: «...воспитанник побед, бросал разящие перуны» (*Д. Давыдов*); «Вы — отечества щит, / Перун вековечной державы...» (*Д. Давыдов*). в) Символ оружия, воинской славы. «Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов, / Потомки грозные славян, / Перуном Зевсовым победу похищали» (*Пушкин*, Воспом. в Царском Селе). г) Оружие, пушка (поэтич.) — «медные перуны» (*Бобров*, Стансы на утверждение корабельного и штурманского училища. 1798). 7. Брань, обереги. — Кабы тебя перун треснул! — Схвати тебя перуном! Перун бы тебе взял (убил)! — Ишь его перуном носит! Метать перуны против кого (книжн.) — гневаться, сердиться на кого. Ср.: бросать молнии (*Д.*; *Соляр.*; *Дьяч.*; *ССРЛЯ*).

«Метаморфозы...» фиксируют как энциклопедические (единичные, индивидуальные), так и общие значения «перенесенных» имен. При этом «внеязыковые данные (сведения о реалиях) используются лишь в той мере, в какой это необходимо для раскрытия значения слова, для правильного понимания и использования его» [Кондратьева 1983: 6]. Такой подход к толкованию отонимных дериватов не нов для лексикографии: он реализуется в толковых словарях и в словарях крылатых выражений. То же можно сказать и о словаре Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова. Принципиальное же отличие словаря Т. Н. Кондратьевой состоит в том, что словарная статья в нем описывает не устоявшуюся семантическую структуру слова, а деривационный процесс. Если в словарях-предшественниках энциклопедическая информация о носителе исходного онима привлекалась лишь в качестве этимологической справки, то здесь она, как правило, выносится на первое место, что непосредственно соответствует логике семантического переноса. В словаре отражены как метафорические, так и метонимические процессы. Ср.:

РЕНТГЕН, а, м. 1. Имя немецкого физика, открывшего в 1895 г. невидимые лучи, получившие название рентгеновских. 2. То же,

что и рентгеновские лучи. Лечение рентгеном. Просвечивание этими лучами или снимок. 3. Аппарат для просвечивания этими лучами. Включить рентген. Поломка рентгена. 4. Спец. Единицы дозы рентгеновского и гамма-излучения (*Уш.*).

РОСИНАНТ, а, м. 1. Имя коня Дон Кихота в романе Сервантеса. 2. Ирон. и шутл. Изнуренная исхудавшая лошадь, кляча. — Но, пегашка, выручай! — И Пафнутьичев росинант, пегий меринок, затрусил (*ССРЛЯ*).

Кроме того, описываются «невоплощенные» имена, развивающие расширительные значения, так называемые «пословичные» имена, обрядовая лексика, фольклорные имена и прочие образные отонимные дериваты. Ср.:

ДЕМА, ы, м. Плут, обманщик. Уменьш. от *Демьян*. Возможно, отриц. значению способствовало созвучие с *демон*? Ср. **Демешка** — сатана, демон (*Фасм.*).

ЕКИМ, а, м. От **ИОАКИМ** др.-евр. *iaaqim* — бог воздвигает, восстановление или воскресение господне. 1. Важный, много думающий о себе человек. — **Еким-господин** на небо лезет, мудрит, даром, что еким. 2. Простак. — Эх, я, **Еким-простота**, рукавицы за поясом, а я ищу! **Еким-парубок** — слуга Алеши Поповича — простой, преданный богатырю отрок. 3. Приверженец старого. В селе **Екимец (Якимец)** (ряз.) в честь Ярилы была ярмарка (*Мак.*).

«Метаморфозы собственного имени» Т. Н. Кондратьевой — это, по существу, первый в отечественной лексикографии опыт специализированного описания деонимизации как семантического **процесса**. Идея словарной статьи как «пути метаморфозы» имени собственного оказалась весьма продуктивной. Неслучайно аналогичное решение было предложено и составителями позднейших словарей (скорее всего, самостоятельно, вне преемственности с книгой Т. Н. Кондратьевой). В частности, именно так описываются ономастические метафоры с нестертой образностью в современных толковых

словарях — [БТС] и [БАС-3] (см. об этом [Воронцов 2019]). Такой же принцип реализован и в «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина [Отин 2010] (первое издание — 2004), который является следующим шагом на пути научного словарного описания процессов деонимизации.

«Словарь коннотативных собственных имен», ставший итогом многолетней исследовательской работы автора, отличается от словарей-предшественников богатством материала, как исторического, так и современного, активным использованием цитат, подтверждающих переносное употребление имен собственных, и, что особенно важно, оригинальной и последовательно реализованной лексикографической концепцией. Подробный критический анализ первого издания словаря представлен в рецензии М. Э. Рут [Рут 2005] (см. также [Мокиенко 2006; Гунтарева 2019]), мы же ограничимся здесь краткой характеристикой новаторских идей лексикографа.

В центре внимания автора словаря — понятие коннотонима, «собственного имени, в котором его денотативное значение сосуществует с общезыковыми или индивидуальными коннотациями» [Отин 1997: 279]. Коннотоним, таким образом, заключает в себе одновременно и проприальную, и апеллятивную семантику и часто является промежуточной единицей между разрядами собственных и нарицательных имен. Его разновидности — это ономастические метафоры (в разной степени узуализации: от индивидуально-авторских коннотированных употреблений онимов до апеллятивов типа *ментор*, *ирод*, *ловелас*) и «невоплощенные» имена, употребляемые в расширительном значении (*Ванька*, *Ероха*, *Марь Иванна*). В словаре описано более 500 единиц.

Эмпирической основой словаря являются как лексикографические данные (толковые, диалектные словари, словари жаргона и т. д.), так и огромный корпус текстов: от древнерусских летописей до современной публицистики; более того, учитываются даже записи устной речи. Обратной стороной такого грандиозного охвата материала становится его «пестрота» и «случайная избирательность», что, однако, не мешает адекватному воплощению поставленной автором задачи [Рут 2005: 180]. На сегодняшний день словарь Е. С. Отина,

несмотря на неизбежное наличие лакун и мелких неточностей, представляет собой самое полное, глубокое и последовательное описание коннотативных собственных имен в отечественной лексикографии.

В плане построения словарной статьи «Словарь коннотативных собственных имен», так же, как и словарь Т. Н. Кондратьевой, описывает «путь метаморфозы» собственного имени. Но Е. С. Отин совершенствует эту концепцию, дополняя статью сведениями об историко-культурных предпосылках деонимизации (мотивирующего компонента, о значимости которого шла речь выше) и расширяя ее за счет многостороннего описания семантико-стилистического потенциала коннотонима. Так, каждая словарная статья начинается с описания референта исходного имени собственного, затем с помощью особых графических знаков (<<...>>) вводятся внеязыковые реалии, обусловившие вторичную номинацию (только для ономастических метафор), затем приводятся все значения коннотонима с иллюстрациями, и наконец, заключительная часть статьи посвящается отконнотонимным дериватам или устойчивым сочетаниям с коннотонимами. В качестве примера приведем (в сокращении) две словарные статьи, иллюстрирующие основные разновидности коннотонимов:

БАСТИЛИЯ, -ии, ж. Топ.₁. Тюрьма (до XV в. — крепость) в Париже. <...> <<Твердыня феодально-абсолютистского строя. В 1789 г. была взята восставшим народом>>.

УКТ₁ (узуальный коннотативный топоним. — Р. В.). 1. Тюрьма вообще; всякое место заточения и угнетения человека. <...> *Человек, вступивший за ограду Тауэра — английской Бастилии, бывшего дворца норманнских завоевателей, редко сохранял жизнь* (Серебрякова Г. И. Предшествование).

2. Непрístupная крепость, твердыня. *Но сердце Эмили / Подобно Бастилии* (Лермонтов М. Ю. <К Э. К. Мусиной-Пушкиной>, 1839 г.).

3. Гнет, жестокость, подавление человека. *Пора и бастильи все эти уничтожить* (Герцен А. И. Былое и думы).

4. Оплот реакции, консерватизма, догматизма. *Все решительнее общественное мнение вторгается в область идеологии,*

которая до недавнего времени была зоной, где догматические бастилии казались особо неприступными («Вечерний Донецк», 1988 г., 6 янв.).

◇ **Взять Бастилию.** Одержать победу, добиться крупного успеха. 13 июля 1985 года в Париже на стадионе имени Жана Буэна взял 6 метров. — «Бубка взял “Бастилию”» — такой заголовок был тогда в нескольких французских газетах... («Неделя», 1986 г., № 32). <...>

ТИМОХА, -и, м. Антр. Личное мужское имя, производное от **Тимофей**. <...> УКА (узуальный коннотативный антропоним. — Р. В.). Простак, простофиля, недотепа. *Этакий Тимоха ты* (Тургенев И. С. Чертопханов и Недопюскин).

В словаре Е. С. Отина в основном фиксируются узуальные коннотонимы, однако в ряде случаев отмечаются и их окказиональные употребления. Так, коннотоним *Ватерлоо*, по данным словаря, даже проявляет признаки окказиональной энантиосемии: узуальному значению ‘поражение в каком-либо деле; крушение надежд, замыслов’, противостоит окказиональное ‘победа’: *Роберт Пиль, переходом своим на сторону свободной торговли, одержал экономическое Ватерлоо для правительства* (А. И. Герцен. Революция в России). Ср. также *Гаврош*: узуальные значения — ‘подросток, участвующий в бою на баррикадах’, ‘подросток-бродяга, беспризорник, несовершеннолетний бомж’, окказиональное — ‘всякий политик — пылкий борец за демократию, «романтик баррикад»’.

«Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина завершает очередной важный этап на пути научного описания процесса деонимизации, но в то же время «открывает новую страницу в нашей лексикографии» [Мокиенко 2006]. Прежде всего, эта новая страница связана с открывающимися перспективами. Дальнейшее совершенствование теоретической основы словаря, системное привлечение новых пластов текстового материала, сосредоточение внимания на надежных верифицируемых источниках позволит в будущем создать описание русской коннотонимии, близкое к исчерпывающему.

Новейшим лексикографическим изданием, описывающим процессы деонимизации в русском языке, можно — с некоторой долей условности — назвать «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» М. Л. Ковшовой [Ковшова 2019]. Эта условность определяется тем, что имена собственные описываются в нем не как самостоятельные единицы, а как компоненты более крупных единств — паремий и идиом, в составе которых они являются «носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку», служат «олицетворенными символами, эталонами, мифологемами, стереотипами» и, наконец, создают особую «атмосферу театральности» [Ковшова 2019: 7].

В строгом смысле образцы деонимизации, приобретения именем собственным признаков нарицательного, обнаруживаются в третьем блоке словаря — «Собственное имя в идиомах». Под идиомами понимаются «устойчиво воспроизводимые, образно мотивированные, полностью переосмысленные по значению лексико-синтаксические сочетания слов», состоящие из двух и более компонентов [Ковшова 2019: 41]. Такое понимание термина позволяет автору собрать в одном блоке словаря очень пестрый в лексико-грамматическом отношении языковой материал: от многословных фразеологизмов (*показать кузькину мать, приносить жертву Молоху, превратиться из Савла в Павла*) до типичных ономастических метафор и «невоплощенных» имен в расширительном значении (*Александр Македонский, Иван Иванович и Иван Никифорович, тетя Мотя*), формально являющихся неоднословными, но семантически, конечно, представляющих собой единую номинацию. Кроме того, сюда можно отнести многочисленные единицы следующего типа: [*как; словно*] *Акакий Акакиевич [Башмачкин]*; [*как*] *два Аякса*; [*как*] *ванька-встанька*; [*как*] *Царевна Несмеяна* и т. д. Встраивание таких коннотативных имен в сравнительную конструкцию подчеркивает предикативный характер их употребления, типичный для образных, в том числе метафорических средств языка. Характерно также замечание автора словаря, что из состава идиомы затруднительно выделить имя собственное в качестве заголовочного слова словарной статьи. При этом легче

выделяются культурно значимые агонимы, мифонимы, хрононимы, исторические и литературные имена [Ковшова 2019: 13] — как раз те онимы, которые наиболее склонны к развитию коннотативных сознаний.

Так, именно наличие в словаре М. Л. Ковшовой подобных единиц позволяет нам условно относить его к жанру словаря деонимизации. Идиоматика, понятая в широком смысле — не только как фразеологический фонд, но как все средства языка, создающие его специфичность (см. [Савицкий 2006]), — безусловно, включает в себя образные продукты деонимизации — коннотативные онимы.

Вокабула в словаре М. Л. Ковшовой сопровождается функционально-стилистическими пометами, толкованием идиомы, иллюстрациями и комментарием (при необходимости). Благодаря широкому обращению к данным Национального корпуса русского языка автору удастся всесторонне проиллюстрировать употребление идиом. В зоне комментария приводятся этимологические и культурно-исторические сведения, в том числе описывается мотивационная основа переносного (идиоматического) употребления имени. Приведем примеры:

[Как <и>] Подпоручик <Поручик> Киже. Книжн. — ‘1. Человек, в действительности не существующий. 2. Человек, оставшийся неизвестным, проходящий по секретным спискам. 3. Фальшивые, несуществующие данные. 4. Нечто неизвестное, требующее пояснения’.

1. Интеллектуалы выдохлись еще и потому, что прекрасно поняли: их аудитория, то есть все те же «умные», не пойдут за этим фантомным *подпоручиком Киже*, «фигуры не имеющим». [А. Турганов. *Время умных* (2003)]. <...>

2. <...> осужденный по ОСО — это *поручик Киже*, арестант секретный, фигуры не имеющий [Ю. О. Домбровский. *Факультет ненужных вещей, часть 2* (1978)]. <...>

3. — Я бы мог сам изобрести *подпоручика Киже*, но у нас теперь требуют реальные факты [О. Новикова. *Женский роман* (1993)]. <...>

4. ⟨...⟩ А западная <культура. — Р. В.>... тут что ни имя, то *подручик Киже*: арестант секретный, фигуры не имеет. Поди разбери, кто такой Кретъен де Труа и чем он отличается от Луве де Кувре [Г. С. Померанц. Записки гадкого утенка (1998)].

Выражение восходит к историческому анекдоту, связанному с ошибкой молодого писателя при составлении бумаги: канцелярский оборот «подпоручик иже...» превратился в имя «Киже». На развитие идиомы оказала влияние фраза: «арестант секретный и фигуры не имеет» в рассказе Ю. Тынянова «Подпоручик Киже» (1930).

Дядя Вася. Публиц. — ‘1. Обыкновенный труженик; простой рабочий, умелый и смекалистый. 2. Разг. Ирон. ⟨...⟩ Нерадивый работник, отсталый, ленивый человек; пьяница’.

1. ⟨...⟩ Если котел вышел из строя, а мороз градусов под тридцать, тут взвоешь, а кроме как от *дяди Васи* спасения неоткуда ждать [Н. Кожевникова. Золушка // «Октябрь», 2003]. ⟨...⟩

2. ⟨...⟩ Во-первых, нет уверенности, что *дядя Вася*, съевший собаку на ремонте «Жигулей», разберется в устройстве современной иномарки, а во-вторых, жалко терять гарантию [И. Сирин. Свой путь (2003)]. ⟨...⟩

Подводя итог, следует подчеркнуть то оригинальное и новое, что вошло в поле исследовательского внимания благодаря каждому из четырех представленных словарей. В книге [Мгеладзе, Колесников 1970], ставшей первой попыткой специализированного описания продуктов деонимизации, определены основные понятийные области, в которых особенно активен данный вид семантической деривации, и намечены векторы как собственно научного, так и научно-популярного описания этого феномена. В словаре [Кондратьева 1983] деонимизация описывается как семантический процесс и в связи с этим разрабатывается особая архитектура словарной статьи. Издание [Отин 2010] сегодня является наиболее полным собранием коннотонимов русского языка, выполненным в рамках строгой лексикографической концепции. И наконец, в словаре [Ковшова 2019] коннотонимия представлена в контексте языковой идиоматики, а системное

использование материалов Национального корпуса русского языка впервые позволило построить словарь анализируемого жанра на широкой и выверенной текстовой базе.

Важно также подчеркнуть, что в последнее время наметилась тенденция к всестороннему описанию образных ономастических единиц, сохраняющих живую связь с исходным онимом. Эти единицы (иначе — коннотативные онимы) составляют часть идиоматики языка и, как правило, образуются по модели ономастической метафоры и расширения семантики «невоплощенного» имени. Для современных научных словарей деонимизации характерен отказ от описания ономастических метонимий и словообразовательных отонимных дериватов, которые фиксируются в толковых словарях, словарях специальной лексики, а также в научно-популярных словарях деонимизации. Краткий обзор последних представлен в следующем разделе.

3.2. Научно-популярные словари деонимизации

Научно-популярная лексикография удовлетворяет интеллектуальные запросы широкого круга читателей-неспециалистов и, прежде всего, ориентирована на увлекательное описание необычных, загадочных явлений, в том числе языковых. Применительно к процессам деонимизации единицей описания научно-популярного словаря, как правило, является эпоним — «лицо, имя которого послужило для образования любого другого онима» [Подольская 1978: 165]. Добавим к этому, что, во-первых, от эпонимов очень часто образуются и апеллативы, во-вторых, эпонимами могут выступать не только антропонимы, но и онимы других разрядов (*болонья* ‘ткань’ от названия города) и, в-третьих, способ образования нового слова может быть как безаффиксным (ономастические метонимии типа *амати*, *ампер*, *макинтош*), так и аффиксальным (например, наименования минералов: *александрит*, *магнетит*, *щербачковит*) (см. [Какзанова 2018: 145]). Эпонимическими по происхождению, безусловно, можно считать и стертые ономастические метафоры.

Начало научно-популярному описанию деонимизации в отечественной лексикографии (как и научному) было положено словарем Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова (1970), материалы которого впоследствии нашли отражение в книге Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова «От названий к именам» [Введенская, Колесников 1995]. Словники этих словарей во многом тождественны, но в популярном издании авторы отказались от идеографической подачи материала, демонстрирующей семантические зоны активности деонимизации, в пользу простого алфавитного порядка.

Единицы словаря Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова предельно разнообразны: это и продукты деонимизации (метафоры: *агасфер*, *вагнер*, *соломон*; метонимии: *кольт*, *сэндвич*, *шевиот*; «невоплощенные» имена с расширенной семантикой: *агафон*, *иван*, *фриц*), и словообразовательные дериваты (*гальванизация*, *линчевание*, *обломовщина*, *тиролька* ('яблоня', 'шляпа'), *францисканцы* и многие др.). В приложении приводится перечень названий минералов, образованных от имен собственных. При огромном словнике (более 2000 имен) семантическое описание отонимных дериватов весьма лаконично: толкование, стилистическая помета (при необходимости) и краткая историко-этимологическая справка.

Книга В. Д. Рязанцева «Имена и названия» [Рязанцев 1998] имеет подзаголовок, отражающий ее предельно широкий охват: «Словарь эпонимов: имена собственные, перешедшие в названия; образование терминов и понятий; происхождение имен нарицательных; слова, употребляемые в переносном смысле». Помимо уже названных типов описываемых единиц, здесь представлены примеры трансонимизации (*Атлас* 'мифологический герой (Атлант)' — 'горная система'), происхождения топонимов (*Санкт-Петербург* — от 'крепость святого Петра'), слова, восходящие к именам древних языческих божеств (*лад*, *чур*), коммерческие наименования («*пежо*», «*форд*») и т. д. Пестрота словника сочетается с разнообразием приводимой энциклопедической информации, словарные статьи объемны и часто сопровождаются иллюстрациями.

Не менее энциклопедичным является и словарь-справочник М. Г. Блау «Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий»

[Блау 2010]. Концептуальное единство словника определяется, во-первых, строгим пониманием эпонима как человека, чье имя стало основой вторичной номинации (ср. название предисловия «Нарицательные люди»), а во-вторых, отказом от описания отонимных дериватов с живой образной мотивацией. В семантическом же плане словник также отличается пестротой (ср.: *бефстроганов, клятва Гиппократ, Йельский университет, калашиников, крайслер, мавзолей, пастеризация, пролив Кука*). Каждая словарная статья состоит из двух разделов: толкования слова с отсылкой к его эпониму и подробной историко-биографической справки о последнем.

Для сравнения приведем словарные статьи на слово *иммельман* из всех трех научно-популярных словарей.

ИММЕЛЬМАН. Фигура высшего пилотажа, дающая возможность быстро переменить курс самолета на 180°. — По имени немецкого летчика М. Иммельмана (1890–1916) [Введенская, Колесников 1995].

ИММЕЛЬМАН. Фигура сложного пилотажа — полупетля с переворотом. Названа по фамилии немецкого летчика Макса Иммельмана, впервые выполнившего эту фигуру в 1916 г. Маневр имеет целью быстро переменить курс самолета на 180°. Самолет описывает половину петли, пока пилот не оказывается в мертвой точке в положении «вниз головой», а затем он выводится в нормальное горизонтальное положение [Рязанцев 1998].

ИММЕЛЬМАН. Фигура высшего пилотажа, полупетля с полубочкой (половина восходящей петли, которая завершается в верхней точке поворотом на 180° для выхода в обычный горизонтальный полет); названа по имени М. Иммельмана. **Макс Иммельман** Max Immelmann (1890–1916) — немецкий летчик-ас времен Первой мировой войны. Родился в Дрездене в семье фабриканта. После школы поступил в железнодорожное управление и в 1913–1914 гг. изучал инженерное дело. С началом Первой мировой войны был призван на военную службу, в ноябре 1914 г. послан в летную школу. Летал в небе Франции как летчик-разведчик. К концу 1915 г. стал

одним из лучших немецких летчиков. Получил прозвище «Орел Лилля». Первый немецкий военный летчик, удостоенный высшей военной награды Германии, ордена «За заслуги» [Блау 2010].

Таким образом, общими тенденциями в научно-популярном лексикографическом описании деонимизации можно назвать повышение степени энциклопедизации словарей и преимущественное внимание к дериватам, утратившим связь с исходным онимом. Обе эти тенденции определяются задачами научно-популярного словаря — открыть читателю «тайну», стоящую за словом, и подробно рассказать об обстоятельствах, способствовавших переносу имени на новый предмет или явление.

4. Словарное описание деонимизации в свете современных лексикографических концепций

4.1. Словарь деонимизации с точки зрения типологии словарей

Как показывает анализ словарей деонимизации, общей для них единицей описания является имя собственное с элементами апеллятивной семантики. В то же время разнообразие подобных единиц, как логико-семантическое, так и лингвокультурологическое, достаточно велико, что может вызвать обоснованные сомнения в правомерности выделения словаря деонимизации как словарного типа. Поэтому мы квалифицируем его как жанр лексикографии — разновидность ономастического словаря, описывающего отонимные семантические дериваты и концентрирующего внимание читателя на взаимодействии разрядов собственных и нарицательных имен. Схожим образом типологическая природа словаря деонимизации трактуется в монографии В. А. Козырева и В. Д. Черняк, где такие издания описываются в разделе ономастических словарей, подраздел «Словари ономастической лексики» [Козырев, Черняк 2015: 349–351].

Важнейшим свойством ономастической лексикографии в целом является **аспектность** словарного описания онимов. Если апеллятивная лексикография имеет интегральный тип толкового словаря, в котором реализуется комплексное описание лексики, то в ономастической лексикографии такого типа словаря быть не может в силу специфики проприальной семантики: имя собственное соотносится с единичным понятием, не обладает апеллятивным лексическим значением и, следовательно, может описываться только под тем или иным углом зрения: этимологическим, социолингвистическим, лингвокультурологическим, ортологическим и т. д. (см. [Воронцов 2017a]). В той же мере это относится и к словарям деонимизации как разновидности ономастических словарей: в них описываются типологически различные виды отонимных дериватов, при этом рассматриваются они с точки зрения разных подходов и аспектов.

4.2. Лингвокультурологический подход к описанию деонимизации

Выше было показано, что основной интерес для научной лексикографии представляют образные отонимные дериваты — коннотативные собственные имена. По мнению В. Э. Сталтмане, высказанному более 30 лет назад, такие онимы изучаются в области лингвострановедения и, соответственно, описываются в лингвострановедческих словарях, ориентированных, прежде всего, на иностранцев, изучающих русский язык [Сталтмане 1989: 45]. В качестве одного из примеров автор приводит словарные материалы Е. С. Отина, которые впоследствии станут частью его «Словаря коннотативных собственных имен». Тем самым словарю деонимизации приписывается прикладной характер — служить пособием при изучении русского языка как иностранного. Лингвострановедческий аспект словарного описания коннотонимов, впервые обоснованный Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым [Верещагин, Костомаров 1977], впоследствии получил развитие в рамках лингвокультурологической

теории прецедентных феноменов и, в частности, прецедентных имен (см. [Гудков 1999]).

Семантизация онима в лингвострановедческом словаре должна выполняться по принципу «изъяснения» — описания лексического фона имени, заключающего в себе внеязыковые сведения из обыденного языкового сознания [Верещагин, Костомаров 1977: 125–126]. Помимо собственно вторичных онимных номинаций, этот лексический фон может содержать массу разнородных сведений: от сокращенных личных форм имени и перечня его известных обладателей до особенностей его употребления в фольклорных и литературных текстах (см. примеры словарных статей в цитируемой работе).

Более структурированный подход к словарному описанию прецедентных имен с позиций теории межкультурной коммуникации предложен в докторской диссертации Д. Б. Гудкова [Гудков 1999], где выстроена следующая схема словарной статьи: «В начале статьи предлагается “энциклопедическая” информация о том или ином феномене, затем (...) представления, которые актуализируются при интенциональном (коннотативном) употреблении имени (ср. с нашим тезисом о мотивирующей основе деонимизации. — *P. B.*), после указываются (если их можно явно выделить) те атрибуты, которые прочно связаны с соответствующим “культурным предметом” (например, *Настоящий Остап Бендер!* — о человеке в длинном шарфе и фуражке (пример Д. Б. Гудкова). — *P. B.*), потом следует оценка, которой он наделяется (...). Особенности функционирования прецедентного имени иллюстрируются примерами употребления этих имен в текстах художественной литературы и СМИ» [Гудков 1999: 329–330]. Легко заметить, что в той или иной степени данная схема реализуется при описании коннотативных онимов в рассмотренных выше словарях, наиболее полно — в словаре [Отин 2010]. Неслучайно и сам ее автор полагает, что такой словарь «может помочь в решении не только прикладных, но и теоретических проблем, предлагая модель лексикографического описания прецедентных имен» [Гудков 1999: 328].

Образец лингвокультурологического описания коннотативных онимов (прецедентных имен) представлен в книге «Русское

культурное пространство. Лингвокультурологический словарь» [Захаренко и др. (ред.) 2004]. Прецедентные имена составляют один из четырех разделов словаря наряду с зооморфными образами, прецедентными текстами и прецедентными высказываниями. Описываются только те имена, которые составляют неотъемлемую часть национальной русской когнитивной базы (*Василиса Премудрая / Прекрасная, Илья Муромец, Сивка-Бурка* и др.), поэтому, с одной стороны, в словаре почти нет заимствованных онимов (являющихся тем не менее важнейшим источником русской ономастической метафоры), а с другой стороны, подробное описание получают наименования так называемых «духов» (*водяной, русалка, леший*) и «артефактов» (*меч-кладенец, золотой ключик, живая вода*). Словарная статья строится на принципах, изложенных в [Гудков 1999], и состоит из трех компонентов: 1) энциклопедической информации о персонаже или предмете, 2) стереотипного представления о нем, характерного для русской лингвокультуры (и являющегося основой переносного употребления онима), и 3) особенностей употребления имени в современном дискурсе.

Таким образом, лингвокультурологическая концепция описания отонимных дериватов, безусловно, является вкладом не только в теорию межкультурной коммуникации и практику преподавания русского языка иностранцам, но и в общую теорию лексикографии, поскольку в ней сформулированы принципы, применимые к фундаментальному научному описанию прецедентных имен (коннотативных онимов). Сегодня задача составления комплексного словаря, основанного на этих принципах, по-прежнему остается актуальной.

Следует также отметить, что лингвокультурологическая специфика деонимизации нашла отражение и в ряде двуязычных (и даже трехязычных) словарей (ср., в частности, [Катермина 1999; Рубцова 2009; Какзанова 2015]). Этот особый аспект описания отонимных дериватов лежит за рамками объекта настоящего исследования, хотя и представляет безусловный интерес: по материалам подобных словарей прослеживаются этноязыковые закономерности осмысления действительности через посредство ономастики.

4.3. Словарь деонимизации как жанр фигуративной лексикографии

Принципы лингвокультурологического описания образных единиц языка и речи оказались в том числе востребованы таким направлением, как фигуративная лексикография. Хотя к числу фигуративных можно отнести все известные словари, описывающие образный фонд русского языка, единая теоретическая база данного направления оформилась только в последние годы — в первую очередь, в связи с составлением «Словаря русской пищевой метафоры» [Юрина (ред.) 2015]. Концептуализация мира на базе метафорических моделей обусловлена культурным контекстом, и описание образных средств (метафор) нуждается в лингвокультурологическом комментарии. В названном словаре такой комментарий строится по принципу «изъяснения» культурного фона и сопровождается формулировкой «типовых образных представлений» [Юрина (ред.) 2015: 9].

В программной статье М. В. Грековой [Грекова 2016] рассмотрены существующие в отечественной лексикографии словари образных средств языка и сформулированы общие принципы фигуративной лексикографии. Автор не упоминает ни один из словарей отономастической лексики, хотя вряд ли можно усомниться в образности таких лексических единиц. И семантико-прагматические, и лингвокультурологические свойства коннотативных онимов однозначно подтверждают их «фигуративность». В то же время словари деонимизации действительно не в полной мере соответствуют декларируемым принципам, что, в свою очередь, требует особого комментария. При этом сразу следует оговорить, что речь пойдет только о словарях, описывающих образные отонимные дериваты.

Не вызывает сомнений соответствие словарей коннотонимов таким принципам фигуративной лексикографии, как: словарная презентация вторичных образных значений, экспликация мотивирующего компонента образной единицы, ориентация на функционирование образных средств языка в речи [Грекова 2016: 27–29]. Действительно, целью рассматриваемых словарей является фиксация переносных

коннотативных созначений собственных имен, возникающих на базе ассоциативно-образного мотивирующего комплекса представлений о предмете, и выявляются эти созначения с привлечением текстового иллюстративного материала. В современных словарях деонимизации эти принципы реализуются исключительно последовательно (ср. [Захаренко и др. (ред.) 2004; Отин 2010; Ковшова 2019]).

Менее явно в существующих словарях воплощены принципы разъяснения экспрессивных коннотаций и раскрытия культурного содержания [Грекова 2016: 28–29]. Как и любые другие образные средства языка, коннотативные онимы служат для выражения оценки и экспрессии, что находит свою лексикографическую проекцию в системе словарных помет. Такая система на данный момент последовательно реализована только в словаре [Ковшова 2019] и, безусловно, должна стать предметом внимания лексикографов при дальнейшей разработке вопроса. Что касается культурного фона имени, во всех случаях являющегося источником представлений, мотивирующих образное употребление, то в меньшей или большей степени он раскрывается во всех словарях деонимизации (в описании исходного носителя имени, в этимологической справке, в указании на мотивирующую базу номинации). В то же время подробный лингвокультурологический комментарий представлен эпизодически или не представлен вообще, видимо, в связи с тем, что его включение резко повышает степень энциклопедичности словаря и увеличивает объем.

Не выполняется в словарях деонимизации только шестой принцип фигуративной лексикографии — концептуальная организация макроструктуры словаря, — подразумевающий, что расположение материала должно отражать «структурно-семантические связи единиц и единство метафорического образа». Более того, тенденция к смысловой рубрикации, к тематической подаче материала мыслится как общая тенденция в развитии фигуративной лексикографии [Грекова 2016: 30]. Все рассмотренные словари деонимизации, напротив, строятся по простому алфавитному принципу, за исключением словаря [Мгеладзе, Колесников 1970], хотя и в нем подавляющее большинство образных единиц сведено в одну (крупнейшую)

тематическую группу. Такое положение дел можно объяснить самой природой коннотонима и, прежде всего, ономастической метафоры как его разновидности.

Так, по ряду наблюдений [Wee 2006: 359–365], метафорически переосмысленные собственные имена плохо укладываются в рамки широко известной теории концептуальной метафоры, согласно которой между областью источника и областью цели устанавливаются устойчивые соответствия. Структурирование области цели по аналогии с областью источника как раз и влечет за собой выстраивание структурно-семантических связей между языковыми единицами, отражающими это метафорическое соответствие. Однако для имен собственных более релевантной оказывается модель метафоры как утверждения о включении в класс (class-inclusion model) [Glucksberg, Keysar 1990]. Источник метафоры мыслится как прототипический представитель категории, в которую включается и цель. При этом, поскольку не всегда можно найти конвенциональное языковое обозначение этой категории, имя, обозначающее источник, и становится таким наименованием. Данная категория каждый раз создается заново, и именно этим объясняется способность ономастической метафоры к бесконечному смысловому варьированию: имя *Фальстаф*, например, может означать и толстяка, и хвастуна, и беспринципного человека. Ср. у А. С. Пушкина: «[А. Л. Давыдов] был *второй Фальстаф*: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст» [Пушкин: 66]. Более того, нечто подобное происходит и при употреблении «невоплощенного» имени собственного в расширительном значении: имя, не имеющее референта, становится обозначением категории на основании пресуппозиций, почерпнутых из социокультурного контекста.

Таким образом, словари, описывающие коннотативные онимы — образные отонимные дериваты, — не в полной мере вписываются в заданные рамки фигуративной лексикографии: как из-за недостаточной проработки некоторых параметров описания (лингвокультурологический комментарий, экспрессивные пометы), так и по фундаментальным причинам (специфика ономастической образности). В то же время взгляд на словарное описание деонимизации с теоретических позиций фигуративной лексикографии позволяет выявить

аспекты описания, которым в дальнейшем необходимо уделить особое внимание.

4.4. Словарь деонимизации как разновидность авторского словаря

К такому свойству имени собственного, как «фигуративность», апеллируют и в рамках парадигмы авторской (писательской) лексикографии. В. М. Калинин подразумевает под ним способность имени «преобразовывать собственные образные свойства и (...) становиться смыслообразующим центром тропов и фигур речи». Благодаря этому свойству в художественной речи представлены имена-индексы, имена-аллегии, имена-метафоры и имена-символы [Калинкин 2017: 90]. Внимание исследователей к литературной (поэтической) ономастике в последние годы привело к становлению поэтономаграфии — «теории и практики создания словарей онимных составляющих языка писателей» [Федотова 2017: 39] (см. также основополагающую работу [Калинкин 1999]).

Одной из характерных черт поэтического ономастикона является диффузность разрядов онимов и апеллятивов, «особая подвижность границ между именами собственными и нарицательными в художественной речи» [Шестакова 2005: 5]. Любое имя, использованное писателем, обогащено семантически, так как оно является частью текста как художественного целого. Имя собственное может участвовать в текстообразовании и выстраивании композиции, оно может выполнять функцию характеристики персонажа, места действия и т. д. Имя, употребленное в составе заголовка, представляющего собой, по словам В. П. Григорьева, «чудовищно уплотненную аббревиатуру текста» [Григорьев 1979: 194], расширяет радиус своего действия на весь текст и определяет возможности его интерпретации. (См. подробнее в работе [Фонякова 1990].)

Такой проприально-апеллятивный синкретизм имеет важное следствие для авторской лексикографии: имена собственные либо исключаются из общего словаря языка писателя и составляют особое

приложение (например, «Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные» [САТГ-ИС]), либо наоборот — описываются в едином корпусе с именами нарицательными (например, в «Словаре языка русской поэзии XX века» [СЯРП]). В первом случае они получают статус самостоятельного объекта описания, а во втором мыслятся как компонент идиостиля, принципиально неотделимый от апеллятивной лексики [Поцепня 2009]. Сопоставительный анализ ономастического метаязыка трех крупных авторских словарей ([СЯП; САТГ-ИС; СЯРП]) представлен в работе [Шарихина 2020].

В последние десятилетия собственно ономастическая авторская лексикография (поэтонимография) переживает период активного развития. Создаются словари полярных типов: от регистрирующих ономастиконов до монографических толково-энциклопедических словарей, содержащих обширные словарные статьи — комментарии авторского употребления имен собственных. Вообще, усиление исследовательского начала отмечается в качестве характерной черты современной писательской ономастической лексикографии [Шестакова 2016: 713–714]. Подробные обзоры текущего положения дел в данной области представлены в работах Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011, 2016, 2019].

Деонимизацию как одну из разновидностей семантического развития онима можно считать «исконным» объектом авторской лексикографии: в словник большинства писательских словарей (начиная со «Словаря языка Пушкина») включаются имена собственные, употребленные в нарицательном значении. Но в художественной речи крайне сложно дифференцировать «нарицательное» употребление онима от других его образных воплощений, именно поэтому авторские словари совершенно обоснованно не идут по пути строгого отделения имен с семантическими преобразованиями от имен, используемых в «прямом значении». Писательский ономастикон, таким образом, предстает как объемный корпус разнородной онимической лексики, получающей в тексте семантическое и образное развитие.

В то же время нельзя полностью отказывать авторскому словарю деонимизации в праве на существование. Этот (потенциальный) жанр может быть актуален в применении к отдельным авторам

и отдельным разновидностям преобразования имен собственных. В первую очередь, речь должна идти о таких онимических употреблениях, которые а) частотны в текстах данного писателя и б) значимы с точки зрения его художественного метода. Так, например, наши наблюдения за метафоризацией собственных имен в произведениях А. И. Герцена (см. [Воронцов 2017b]) показали, что ономастическая метафора является чрезвычайно важным для идиостиля писателя языковым ресурсом: наряду с герценовской «объясняющей метафорой» (термин Л. Я. Гинзбург), ономастические аллюзии играют весьма заметную роль в текстообразовании и структурировании авторской картины мира. Думается, что не только у Герцена, но и у целого ряда писателей и публицистов середины XIX века ономастическая метафора, переживавшая кульминацию своего развития в данный период, может быть достойна особого внимания лексикографов.

По нашему мнению, авторский словарь деонимизации должен быть максимально информативным, поэтому он должен строиться как толково-энциклопедический — с широким привлечением лингвистической и внеязыковой информации. В таком словаре должно быть представлено, по меньшей мере, следующее: семантическая природа и мотивирующее основание смыслового преобразования имени собственного, функционально-стилистическая характеристика употребления онима, сведения об исходном носителе имени, интерпретация словоупотребления в связи с художественной спецификой произведения и, в целом, идиостилем писателя, в том числе с привлечением биографических и библиографических сведений. При создании такого словаря должен быть учтен весь опыт словарного описания отонимных дериватов, накопленный как авторской лексикографией, так и другими направлениями.

5. Заключение

Словарное описание деонимизации в отечественной лексикографии представлено рядом словарей, большинство из которых базируется на оригинальной авторской концепции и воплощает тот или

иной угол зрения на предмет. Как показывает накопленный лексикографический опыт, комплексное описание всех явлений, относящихся к деонимизации как расподоблению имени собственного, весьма затруднительно, так как в этом случае лексикограф должен искать единые решения для чрезвычайно разнородного в семантическом плане языкового материала. Взаимодействие проприальной и апеллятивной семантики требует рассмотрения таких вопросов, как: употребление онимов в образной речи, в том числе художественной; использование имен в качестве эпонимов для научно-технических терминов, равно как и для многих стилистически нейтральных обиходных слов; функционирование имени в составе кратких фольклорных форм (загадок, пословиц, поговорок) и фразеологизмов и т. д.

Именно в связи с многогранностью процесса деонимизации в последнее время наметились две разнонаправленные лексикографические тенденции: если в одних словарях в центре внимания оказывается образная отономастическая лексика, то другие, напротив, сосредоточивают внимание на нейтральных (метонимических и словообразовательных) дериватах. Вторая тенденция особенно характерна для научно-популярных словарей и обусловлена фактором их адресата — любознательного читателя-неспециалиста. В то же время описание образной лексики представляет значительный интерес для специалистов-гуманитариев и требует выработки концептуальных лексикографических подходов.

Современное научное специализированное описание деонимизации ориентировано, прежде всего, на образные отонимные дериваты — коннотативные собственные имена, сохраняющие живую связь с исходными онимами и служащие для говорящего или пишущего средством выражения оценки и экспрессии. Такие онимы рассматриваются с позиций лингвокультурологии как прецедентные имена, их описанию посвящен особый тип лингвокультурологического словаря. Большой опыт описания имен собственных в текстах художественной литературы (так называемых поэтонимов) накоплен русской авторской лексикографией. В последнее время активно развивается новое направление — фигуративная лексикография, нацеленная на описание образного строя языка. Как представляется, именно

с этими тремя направлениями связаны основные перспективы описания образных отонимных дериватов в отечественной лексикографии.

Литература

- Блох, Семенова 2001 — М. Я. Блох, Т. Н. Семенова. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М.: Готика, 2001.
- Бурвилова, Костомаров 2006 — Н. Д. Бурвилова, В. Г. Костомаров. Жизнь в милонетных мелочах. СПб.: Златоуст, 2006.
- Верещагин, Костомаров 1977 — Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь // В. А. Редькин (ред.). Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С. 118–135.
- Воронцов 2015 — Р. И. Воронцов. Русская ономастическая метафора в словарях разного типа // В. А. Ефремов (ред.). Слова и словари: Сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 109–116.
- Воронцов 2017a — Р. И. Воронцов. К вопросу о типологии ономастических словарей: современные тенденции // В. Д. Черняк (ред.). Слово. Словарь. Словесность: Традиции и новации в русском языке (К 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина). СПб.: САГА, 2017. С. 78–82.
- Воронцов 2017b — Р. И. Воронцов. Ономастическая метафора в «Былом и думах» А. И. Герцена // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 62 (2). P. 305–327.
- Воронцов 2019 — Р. И. Воронцов. Представление ономастической метафоры в «Большом академическом словаре русского языка» // О. Н. Крылова (ред.). Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2019. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. С. 61–66.
- Грекова 2016 — М. В. Грекова. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.
- Григорьев 1979 — В. П. Григорьев. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
- Гудков 1999 — Д. Б. Гудков. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Дисс. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999.
- Гунтарева 2019 — Е. Е. Гунтарева. «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина как ономастический источник // Поливановские чтения. 2019. № 13. С. 54–59.

- Какзанова 2018 — Е. М. Какзанова. Терминографическая фиксация минералогических эпонимов // О. Н. Крылова, С. А. Мызников, М. Н. Приемшьева, Е. В. Пурицкая (ред.). Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 143–151.
- Калинкин 1999 — В. М. Калинкин. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). Донецк: Юго-Восток, 1999.
- Калинкин 2017 — В. М. Калинкин. Собственные имена в словарях типа «язык писателя» как проблема теоретической и практической лексикографии // Научный часопис Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова. Серія 9: Сучасні тенденції розвитку мов. 2017. Вип. 15. С. 88–96.
- Козырев, Черняк 2015 — В. А. Козырев, В. Д. Черняк. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб.: Изд-во Российской государственной педагогической университет им. А. И. Герцена, 2015.
- Кронгауз 1987 — М. А. Кронгауз. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Р. М. Фрумкина (ред.). Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: Наука, 1987. С. 118–135.
- Мокиенко 2006 — В. М. Мокиенко. Перевоплощенное имя // Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен. М.: А Темп, 2006. С. 5–10.
- Отин 1997 — Е. С. Отин. Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997.
- Подольская 1987 — Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
- Поцепня 2009 — Д. М. Поцепня. Имя собственное в словаре писателя // Д. М. Поцепня (ред.). Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 162–172.
- Рут 2005 — М. Э. Рут. Рец. на кн.: Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. — Донецк, 2004 // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 179–182.
- Савицкий 2006 — В. М. Савицкий. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006.
- Сидоренко 1999 — К. П. Сидоренко. Пушкинское слово в интертекстовой динамике: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1999.
- Сороколетов (ред.) 2001 — Ф. П. Сороколетов (ред.). История русской лексикографии. СПб.: Наука, 2001.
- Сталтмане 1989 — В. Э. Сталтмане. Ономастическая лексикография. М.: Наука, 1989.
- Федотова 2017 — К. С. Федотова. Поэтонимология как новое направление авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 39–53.
- Фонякова 1990 — О. И. Фонякова. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990.

- Хуснутдинов 2004 — А. А. Хуснутдинов. Словари М. И. Михельсона и В. И. Даля в истории русской фразеологии // В. М. Мокиенко (ред.). Проблемы фразеологической и лексической семантики. М.: ИТИ Технологии, 2004. С. 130–132.
- Шарихина 2020 — М. Г. Шарихина. Особенности описания литературной ономастики в русской авторской лексикографии (на материале личных имен) // С. С. Волков, Н. В. Карева, Е. М. Матвеев (ред.). Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Вып. 3. 2017–2019 годы. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 56–70.
- Шестакова 2005 — Л. Л. Шестакова. Предисловие // В. П. Григорьев, Л. И. Колodяжная, Л. Л. Шестакова. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. С. 3–6.
- Шестакова 2011 — Л. Л. Шестакова. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Шестакова 2016 — Л. Л. Шестакова. Новое в русской авторской лексикографии // О. Н. Крылова, С. А. Мызников (ред.). Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularum*. Вып. 14. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 708–723.
- Шестакова 2019 — Л. Л. Шестакова. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.
- Gardiner 1954 — A. H. Gardiner. *The theory of proper names: A controversial essay*. London: Oxford University Press, 1954.
- Glucksberg, Keysar 1990 — S. Glucksberg, B. Keysar. Understanding metaphorical comparisons: beyond similarity // *Psychological Review*. 1990. Vol. 97. P. 3–18.
- Wee 2006 — L. Wee. Proper names and the theory of metaphor // *Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. P. 355–371.

Источники

- Ашукин, Ашукина 1986 — Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986.
- БАС-1 — В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- БАС-3 — К. С. Горбачевич, А. С. Герд (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М.: СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
- Берков и др. 2005 — В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2005.

- Блау 2010 — М. Г. Блау. Судьба эпонимов: 300 историй происхождения названий: словарь-справочник. М.: ЭНАС, 2010.
- БТС — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Введенская, Колесников 1995 — Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. От названий к именам. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995.
- Захаренко и др. (ред.) 2004 — И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков (ред.). Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1. М.: Гнозис, 2004.
- Какзанова 2015 — Е. М. Какзанова. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. От А до Z. М.: ООО «Галлея-Принт», 2015.
- Катермина 1999 — В. В. Катермина. Опыт коннотативного словаря русских и английских личных имен собственных. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999.
- Ковшова 2019 — М. Л. Ковшова. Словарь собственных имен в русских загадках, поговорах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Кондратьева 1983 — Т. Н. Кондратьева. Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря. Казань: Изд-во Казанского университета, 1983.
- МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Мгеладзе, Колесников 1970 — Д. С. Мгеладзе, Н. П. Колесников. От собственных имен к нарицательным. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1970.
- Ожегов, Шведова — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М.: АЗЪ, 1994.
- Отин 2010 — Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2010.
- Пушкин — А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 8. 4-е изд. Л.: Наука, 1978.
- Рубцова 2009 — С. Ю. Рубцова. Толковый англо-русский словарь имен собственных в интертекстуальном аспекте. СПб.: СПбГУ, 2009.
- Рязанцев 1998 — В. Д. Рязанцев. Имена и названия. М.: Современник, 1998.
- САТГ-ИС — А. В. Федоров, О. И. Фоякова (ред.). Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
- СЯРП — В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (ред.). Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–8. М.: Языки славянской культуры, 2001–2019.
- СЯП — В. В. Виноградов (ред.). Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: ГИС, 1956–1961.
- Ушаков — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Юрина (ред.) 2015 — Е. А. Юрина (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1. Томск: Изд-во Томского университета, 2015.

References

- Blokh, Semenova 2001 — M. Ya. Blokh, T. N. Semenova. *Imena lichnyye v paradigmatiche, sintagmatike i pragmatike* [Proper names in paradigmatics, syntagmatics and pragmatics]. Moscow: Gotika, 2001.
- Burvikova, Kostomarov 2006 — N. D. Burvikova, V. G. Kostomarov. *Zhizn v mimoletnykh melochakh* [Life in fleeting minutiae]. St. Petersburg: Zlatoust, 2006.
- Fedotova 2017 — K. S. Fedotova. Poyetonimografiya kak novoye napravleniye avtorskoj leksikografii [Poetonymography as a new trend in author lexicography]. *Voprosy leksikografii*. 2017. Vol. 11. P. 39–53.
- Fonyakova 1990 — O. I. Fonyakova. *Imya sobstvennoye v khudozhestvennom tekste* [Proper names in fiction texts]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1990.
- Gardiner 1954 — A. H. Gardiner. *The theory of proper names: A controversial essay*. London: Oxford University Press, 1954.
- Glucksberg, Keysar 1990 — S. Glucksberg, B. Keysar. Understanding metaphorical comparisons: beyond similarity. *Psychological Review*. 1990. Vol. 97. P. 3–18.
- Grekova 2016 — M. V. Grekova. Figurativnaya leksikografiya i yeye mesto v sovremennoy rusistike [Figurative lexicography and its position in modern Russian studies]. *Voprosy leksikografii*. 2016. Vol. 2 (10). P. 18–40.
- Grigoryev 1979 — V. P. Grigoryev. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow: Nauka, 1979.
- Gudkov 1999 — D. B. Gudkov. *Pretsedentnyye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkulturnoy kommunikatsii* [Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication]. Doctoral thesis. Moscow: Moscow State University, 1999.
- Guntareva 2019 — E. E. Guntareva. “Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen” E. S. Otina kak onomasticheskiy istochnik [The “Dictionary of connotative proper names” by E. S. Otina as a source of onomastics]. *Polivanovskiy chteniya*. 2019. Vol. 13. P. 54–59.
- Kakzanova 2018 — E. M. Kakzanova. Terminograficheskaya fiksatsiya mineralogicheskikh yepimimov [Terminographic description of mineralogic eponyms]. O. N. Krylova, S. A. Myznikov, M. N. Priyemysheva, E. V. Puritskaya (eds.). *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [The Russian academic lexicography: current situation and

- development prospects]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. P. 143–151.
- Kalinkin 1999 — V. M. Kalinkin. *Teoriya i praktika leksikografii poyetonimov (na materiale tvorchestva A. S. Pushkina)* [Theory and practice of describing poetic proper names (based on A. S. Pushkin's works)]. Donetsk: Yugo-Vostok, 1999.
- Kalinkin 2017 — V. M. Kalinkin. *Sobstvennyye imena v slovaryakh tipa «yazyk pisatelya» kak problema teoreticheskoy i prakticheskoy leksikografii* [Proper names in author dictionaries as a problem of theoretic and practical lexicography]. *Naukoviy chasopis Natsionalnogo pedagogichnogo universitetu imeni M. P. Dragomanova. Seriya 9: Suchasni tendentsii rozvitku mov.* 2017. Vol. 15. P. 88–96.
- Khusnutdinov 2004 — A. A. Khusnutdinov. *Slovari M. I. Mikhel'sona i V. I. Dal'ya v istorii russkoy frazeologii* [Dictionaries by M. I. Mikhelson and V. I. Dal in the history of Russian phraseology]. V. M. Mokiyenko (ed.). *Problemy frazeologicheskoy i leksicheskoy semantiki* [Problems of phraseological and lexical semantics]. Moscow: ITI Tekhnologii, 2004. P. 130–132.
- Kozyrev, Chernyak 2015 — V. A. Kozyrev, V. D. Chernyak. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [The Russian lexicography: at present and in the past]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Press, 2015.
- Krongauz 1987 — M. A. Krongauz. “Voploshchennoye” i “nevoploshchennoye” imya sobstvennoye: nekotoryye aspekty referentsii [The “embodied” and “disembodied” proper name: some referential aspects]. R. M. Frumkina (ed.). *Yeksperimentalnyye metody v psikholingvistike* [Experimental methods in psycholinguistics]. Moscow: Nauka, 1987. P. 118–135.
- Mokiyenko 2006 — V. M. Mokiyenko. *Perevoploshchennoye imya* [Name reembodied]. E. S. Otin. *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Moscow: A Temp, 2006. P. 5–10.
- Otin 1997 — E. S. Otin. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Donetsk: Donechchina, 1997.
- Podolskaya 1987 — N. V. Podolskaya. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of the Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka, 1978.
- Potsepnyaya 2009 — D. M. Potsepnyaya. *Imya sobstvennoye v slovare pisatelya* [Proper name in author dictionaries]. D. M. Potsepnyaya (ed.). *Slovoupotrebleniye i stil pisatelya*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2009. Iss. 4. P. 162–172.
- Rut 2005 — M. E. Rut. *Rets. na kn.: Otin E. S. Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen.* Donetsk, 2004 [Book review: E. S. Otin. Dictionary of connotative proper names. Donetsk, 2004]. *Voprosy onomastiki.* 2005. Vol. 2. P. 179–182.
- Savitskiy 2006 — V. M. Savitskiy. *Osnovy obshchey teorii idiomatiki* [Fundamentals of the general theory of idiomatics]. Moscow: Gnozis, 2006.

- Sharikhina 2020 — M. G. Sharikhina. Osobennosti opisaniya literaturnoy onomastiki v russkoy avtorskoy leksikografii (na materiale lichnykh imen) [Specifics of literary onomastic description in Russian author lexicography (proper name evidence)]. S. S. Volkov, N. V. Kareva, Ye. M. Matveev (eds.). *Materialy metazykovogo seminara ILI RAN* [Proceedings of the Metalinguistic seminar of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,]. Vol. 3. 2017–2019. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2020. P. 56–70.
- Shestakova 2005 — L. L. Shestakova. Predisloviye [Foreword]. V. P. Grigoryev, L. I. Kolodyazhnaya, L. L. Shestakova. *Sobstvennoye imya v russkoy poyezii XX veka: Slovar lichnykh imen* [Proper name in Russian poetry of the 20th-century. A dictionary of proper names]. Moscow: Azbukovnik, 2005. P. 3–6.
- Shestakova 2011 — L. L. Shestakova. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost* [The Russian author lexicography: the theory, history, current trends]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2011.
- Shestakova 2016 — L. L. Shestakova. Novoye v russkoy avtorskoy leksikografii [New features of the Russian author lexicography]. O. N. Krylova, S. A. Myznikov (eds.). *Slovo i slovar = Vocabulum et vocabularum*. Vol. 14. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. P. 708–723.
- Shestakova 2019 — L. L. Shestakova. Sovremennoye sostoyaniye russkoy avtorskoy leksikografii [The current state of the Russian author lexicography]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2019. Vol. 2. P. 126–150.
- Sidorenko 1999 — K. P. Sidorenko. *Pushkinskoye slovo v intertekstovoy dinamike* [The Pushkin's word in the intertextual dynamics]. Doctoral thesis. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 1999.
- Sorokoletov (ed.) 2001 — F. P. Sorokoletov (ed.). *Istoriya russkoy leksikografii* [A history of the Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka, 2001.
- Staltmane 1989 — V. E. Staltmane. *Onomasticheskaya leksikografiya* [Onomastic lexicography]. Moscow: Nauka, 1989.
- Vereshchagin, Kostomarov 1977 — E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. Sostav semeystva uchebnykh lingvostranovedcheskikh slovarey: onomasticheskiy slovar [Composition of the linguocultural dictionary series: the onomastic dictionary]. V. A. Redkin (ed.). *Aktualnyye problemy uchebnoy leksikografii* [Current issues of tutorial lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk, 1977. P. 118–135.
- Vorontsov 2015 — R. I. Vorontsov. Russkaya onomasticheskaya metafora v slovaryakh raznogo tipa [Russian onomastic allusive metaphors in dictionaries of various types]. V. A. Yefremov (ed.). *Slova i slovari. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny professoru Valentine Danilovne Chernyak* [Words and dictionaries: A collection of scientific articles dedicated to Professor Valentina Danilovna Chernyak]. St. Petersburg: Svoye izdatelstvo, 2015. P. 109–116.

- Vorontsov 2017a — R. I. Vorontsov. K voprosu o tipologii onomasticheskikh slovarей: sovremennyye tendentsii [On a typology of onomastic dictionaries: the current trends]. V. D. Chernyak (ed.). *Slovo. Slovar. Slovesnost: Traditsii i novatsii v russkom yazyke (K 250-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Karamzina)* [Word. Dictionary. Literature. Traditions and novelties in the Russian language (To the N. M. Karamzin's 250th anniversary)]. St. Petersburg: SAGA, 2017. P. 78–82.
- Vorontsov 2017b — R. I. Vorontsov. Onomasticheskaya metafora v “Bylom i dumakh” A. I. Gertsena [The onomastic allusive metaphor in “My past and thoughts” by A. Herzen]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. Vol. 62 (2). P. 305–327.
- Vorontsov 2019 — R. I. Vorontsov. Predstavleniye onomasticheskoy metafory v “Bolshom akademicheskom slovare russkogo yazyka” [The onomastic allusive metaphor in “The Great academic dictionary of the Russian language”]. O. N. Krylova (ed.). *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya. 2019* [Modern Russian lexicology, lexicography, and linguogeography. 2019]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. P. 61–66.
- Wee 2006 — L. Wee. Proper names and the theory of metaphor. *Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. P. 355–371.